

Воспоминания о Леониде Александровиче Кудерском — замечательном учёном и человеке

С Леонидом Александровичем Кудерским я познакомился в 1982 году в приёмной городского то ли партийного, то ли административного функционера, куда пришёл на совещание по вопросу охраны окружающей среды. В приёмной было человека четыре, и среди них Л.А. Мы поздоровались и представились друг другу. Л.А. мне внешне напомнил одного из комиссаров полиции — героя детективных романов Ж. Сименона, но только в русском исполнении. Он был среднего роста, коренастый, с слегка простодушно мудрым лицом и спокойными глазами с нависающими над ними густыми бровями. Почти сразу как мы познакомились, нас пригласили в кабинет, и мы приступили к обсуждению какого-то вопроса, по которому у всех имелось определённые расхождения во взглядах. Я обратил внимание на то, что Л.А., отстаивая свою точку зрения, говорил неспешно и не громко, пытаясь убедить своих оппонентов не голосом, а содержанием своих аргументов, усиливая их лёгкой жестикуляцией правой руки. После завершения затянувшегося совещания мы вышли и обменялись визитными карточками, договорившись в случае возникновения подобных вопросов обмениваться предварительно телефонными звонками. Так у меня состоялось очное знакомство с Л.А., который в то время был директором ГосНИОРХа. Ранее я знал Л.А. только по опубликованным им работам, но так как сам занимался другой специальностью, то слишком глубоко в них не влезал и представление о нём как учёном имел лишь из оценок других более близких ему по специальности людей.

Позже мы регулярно встречались с ним на различных конференциях, симпозиумах, совещаниях по проблемам Балтийского моря, Финского залива, Ладожского озера и других водоёмов как у нас в стране, так и за рубежом, на которых сами часто выступали с докладами. Мне было приятно, что по большинству позиций наши представления с ним совпадали и в силу этого постепенно отношения приняли доверительный характер.

В 1989 г. в разгар перестройки появилось множество людей, которые своим долгом считали «обливать грязью» по любому поводу всех и всё, что делалось в стране. В Ленинграде таким объектом нападков стали строящиеся в Невской губе защитные сооружения от наводнений. Появилось множество статей в прессе, авторы которых беспартийно утверждали, что сооружения приведут к экологической катастрофе и требовали прекратить строительство, а то, что уже построено, просто взорвать. В связи с тем, что обстановка накалялась, по реше-

нию Президиума Ленинградского научного центра АН СССР была создана специальная экспертная комиссия, в которой я был назначен председателем. Когда я формировал состав комиссии, чтобы охватить все направления я включил в неё ведущих учёных города из различных научных организаций. Л.А. дал согласие участвовать в работе комиссии и дать свое заключение о влиянии защитных сооружений на рыбные запасы в Невской губе. О составе комиссии было широко объявлено в прессе и тут началось невообразимое. Членам комиссии стали приходиться письма и раздавались звонки по телефону с угрозами им и членам их семей, если они не дадут заключение о необходимости прекращения строительства. И когда комиссия собралась первый раз в Управлении Ленморзащиты, некоторые члены комиссии, опасаясь за членов своих семей, взяли самоотвод. Из-за этого оставшимся членам комиссии пришлось заниматься не только записанными за ними узкими вопросами, но и принимать участие в рассмотрении остальных. Мы в течение четырёх месяцев непрерывной работы изучали материалы всех проведённых ранее исследований и неоднократно посещали все строящиеся объекты. Весь период экспертизы Л.А., несмотря на свою занятость по основной работе, не пропустил ни одного нашего заседания и ни одного выезда. Он не только подготовил обстоятельное заключение по своему направлению, но принимал самое активное участие в работе над рядом других разделов. Здесь очень полезной оказалась широта его взглядов и знаний. По существу он стал одним из основных авторов нашего заключения, которое было одобрено Президиумом Ленинградского научного центра АН СССР и направлено в соответствующие вышестоящие организации. Спустя несколько месяцев, была проведена международная экспертиза защитных сооружений, в которой участвовали ведущие специалисты из Голландии, Германии и других стран. Нам всем было очень приятно, что она полностью подтвердила правильность выводов нашей комиссии.

В результате многочисленных контактов с Леонидом Александровичем у меня сложилось о нём впечатление как о человеке очень серьёзном и в принципиальных вопросах бескомпромиссном. Эти очень важные для любого человека качества характера сыграли в судьбе Л.А. «роковую» роль. У него возник конфликт с партийным руководством города, и под их нажимом он был вынужден оставить пост директора института, которым успешно руководил в течение долгих 25-ти лет. Узнав об этом, я предложил Л.А. перейти в Институт озераведения АН СССР, который ихтиологией в чистом виде не занимался, поэтому переход требовал от Л.А. некоторого расширения его научной деятельности. Я, понимая высочайший уровень Л.А. как признанного в мире лидера в ихтиологии, считал вредным для науки разрыв его связей с ГосНИОРХом и пообещал, что буду всячески поддерживать его контакты с прежней организацией.

После достаточно долгих колебаний, размышлений и переговоров Леонид Александрович дал согласие и с 1994 года до конца своих дней работал в должности главного научного сотрудника в Институте озераведения Российской академии наук.

Учитывая огромный опыт работы Л.А. на посту руководителя, я стал его регулярно привлекать на заседания дирекции, нередко советовался с ним по разным животрепещущим вопросам научной и административной деятельности. Времена для науки наступили очень трудные, Институт оказался в полном безденежье и советы Л.А. для меня были очень важны и полезны. Общаясь с Л.А., я все больше узнавал его и о некоторых своих впечатлениях о нём хотел бы кратко сказать в этих воспоминаниях.

Прежде всего я понял, что Л.А. Кудерский был человеком «божьей искры», блестящим учёным не только в ихтиологии, но и в других областях науки — гидробиологии, палеогеографии, экологии, охране окружающей среды и некоторых других. Он был неутомимым «наукоголиком» и круг его научных интересов был необычайно широк. В этом я убедился, когда небольшой группой, в которую кроме меня и Л.А. входили такие крупные учёные как географ профессор Александр Петрович Алхименко и юрист профессор Иван Абрамович Соболев, ныне покойные, по собственной инициативе работали над проектом Федерального закона «Об охране Ладожского озера». Мы два-три раза в неделю собирались у меня в кабинете и работали с 16-ти до 20-ти – 21-го часа. Каждый раз все приходили со своими мыслями и конкретными предложениями, и мы их по очереди обсуждали. Атмосфера сложилась очень приятная, все высказывались свободно, и когда какое-нибудь предложение большинством не принималось, никто ни на кого не обижался. Во время коротких перерывов мы пили чай, несколько раз и более крепкие напитки. Во время перерывов разговор заходил о географии или истории страны, о современных внутренних или международных проблемах. И меня удивило, как Л.А. хорошо разбирается в этих вопросах и имеет своё мнение, которое нередко расходилось с общепринятым. Иногда возникали споры, и мне всегда imponировало, как Л.А. спокойным и свойственным только ему вкрадчивым голосом доносил свою позицию и убеждал в её правоте. Круг поднимаемых вопросов был достаточно широк и Л.А. показал себя очень разносторонним и широко эрудированным человеком.

К сожалению, к подготовленному нами проекту закона о Ладоге судьба не была благосклонна. Проект закона был единогласно одобрен Законодательными собраниями субъектов РФ, расположенных на территории ладожского бассейна, а затем и Комитетом по экологии Государственной думы. При этом Комитет Госдумы взял на себя обязательство подготовить экономическую справку о расходах, которые потребуются на его реализацию. Когда наступило время первого чтения проекта закона в Госдуме, этой справки не оказалось, и проект был снят с последующего рассмотрения. Да и Комитета уже не было, в Думе заседали депутаты нового созыва.

После нас инициативу по разработке проекта Федерального закона по Ладоге брали на себя депутаты законодательных собраний Санкт-Петербурга, Карелии, Ленинградской области. Главные положения нашего проекта об охране Ладоги они в свои проекты закона не включали, а основное внимание уделяли только во-

просам распределения средств между Федерацией и её субъектами. Мы с Л.А. каждый раз возражали против такой узкой трактовки закона, но наши замечания в расчёт не принимались. В итоге подготовленные законодательными собраниями проекты закона каждый раз отклонялись профильными комитетами Госдумы.

Л.А. был человеком чрезвычайно обязательным и ответственным. Как-то раз к нам пришло письмо из президиума РАН, в котором Институт попросили дать предложения по реформированию Академии. Я этот вопрос вынес на учёный совет Института и попросил всех членов подумать на эту тему. Когда я снова собрал совет, чтобы выработать единую позицию по данному вопросу, то оказалось, что единственным человеком, который дал свои предложения, был Л.А. За короткое время он просмотрел всю структуру организаций РАН и поставил вопрос о необходимости сократить количество находящихся на балансе РАН многочисленных ботанических садов, передав большую часть из них на баланс субъектов РФ. Кроме того, он предложил закрыть институты, в которых работает 5–10 человек, из которых только один или два имели учёную степень. К сожалению, эти разумные предложения не получили поддержки в РАН. За ботанические сады встало биологическое отделение, а за сохранение институтов выступили руководители республик, областей и городов. Наука их совершенно не интересовала, но наличие на своей территории академического института они считали для себя очень престижным. И только в наше время, когда по инициативе руководства страны осуществляется реорганизация Российской академии наук, предложения Л.А. оказались понятыми, востребованными и частично реализованными.

Мне импонировало то, что Л.А. никогда не терял веру в свои силы и не любил останавливаться на полпути. Это я почувствовал и оценил в 2000 году, когда Институт закончил крупномасштабные работы, результатом которых стало восьмитомное издание «История озёр». В числе 10-ти основных авторов был и Л.А. Отборное прохождение работ представляло собой очень сложный и длительный процесс. Мы единогласно прошли открытое слушание на географическом факультете МГУ им. Ломоносова и заседания различных экспертных советов и безоговорочно считались фаворитами. Но на заключительном заседании Объединённого совета по госпремиям, в который кроме учёных входили высокие чиновники министерств и ведомств, было принято решение о присуждении премии коллективу учёных под руководством бывшего президента АН СССР, почётного члена Президиума РАН академика Г.И. Марчука. И хотя все члены нашего коллектива знали, что госпремию с первого раза получают крайне редко, я не смог уговорить коллектив на повторную подачу работы на премию в следующем году. Большинство членов говорили, что они либо очень устали и им надо отдохнуть, либо что у них накопились срочные дела, которые нельзя откладывать. Но главное, что я почувствовал, они потеряли веру в себя и возможность получения премии. Единственный из коллектива человек, который меня полностью поддержал, был Л.А.

Спустя три года я познакомился с одним из членов Объединённого совета по госпремиям и он мне задал вопрос: почему мы повторно на неё не подаём и за-

одно рассказал о причине, по которой нам не дали её в тот раз. Все оказалось до неприличия просто. В том году был юбилей у Г.И. Марчука и члены президиума РАН, которые составляли значительную часть в Объединённом совете, на заседании президиума неофициально договорились поддержать присуждение премии Г.И. Марчуку и его коллективу в качестве подарка к юбилею. Нашу работу, которая всем понравилась, решили поддержать в следующем году.

Я об этой истории рассказал всем членам нашего коллектива, они воодушевились, и мы стали готовить документы на повторное представление работы. Но удача отвернулась от нас. В тот год изменились правила подачи, и на госпремию стали принимать работы числом авторов не более трёх человек. Мы потом с Л.А., когда обращались по работе к этому восьмитомному изданию, то нередко сожалели, что не сумели вовремя вдохнуть уверенность в наших коллег и убедить их в целесообразности повторной подачи документов.

Л.А. обладал огромной эрудицией, и круг интересов его был необычайно широк. Я, будучи директором Института, был вынужден часто ездить в Москву. Там в здании РАН постоянно продаются книги по различным направлениям науки. Однажды я купил интересную книгу и, вернувшись в Питер, рассказал о ней Л.А. и дал ему её почитать. Книга ему очень понравилась и, когда мы обсуждали её, я сказал, что могу купить её для него. Л.А., как человек воспитанный, вначале отказался, сказав, что ему неудобно меня загружать, но после моего повторного предложения выразил благодарность и согласился. После этого я нередко перед поездкой вспоминал о своем обещании и звонил Л.А. Он, каждый раз извиняясь за то, что мне придётся тащить лишний груз, заказывал определённую книгу. А я каждый раз удивлялся тому, что он внимательно следит за выходом в свет новых научных книг и широте его интересов. Как-то раз по его просьбе я привёз ему книгу о происхождении и истории Мирового океана. Книга была достаточно толстой и содержала около 600 страниц. Примерно через месяц-полтора Л.А. пришёл ко мне и стал подробно говорить о том, что в монографии содержится очень много неточных моментов и неправильных объяснений. Ещё через месяц Л.А. принёс мне статью, в которой он высказал гипотезу, что, в отличие от общепринятого взгляда, первоначально на Земле появился не Мировой океан, а озёра, которые со временем сформировали Мировой океан.

Мне хотелось бы также отметить выдержку Л.А. Как-то мы организовали и проводили в Архангельске большой всесоюзный симпозиум по проблемам озёр. Во время посадки на поезд Л.А. поскользнулся и очень сильно ударился ногой о ступеньку вагона. У него образовалась огромная гематома, и он едва мог наступать на ногу. Но держался он очень мужественно. Отказался от всякой помощи и на вопросы о самочувствии спокойно отвечал «Бывало и хуже». В первый день работы симпозиума он блестяще выступил на пленарном заседании, от предложения председателя сесть и говорить сидя отказался и все время выступал и отвечал на вопросы стоя. После заседания и в последующие дни он принимал участие во всех ознакомительных экскурсиях и полевых выездах, ходил прихрамывая и ино-

гда морщился от боли, но никогда не жаловался и ни от каких поездок не отказывался. И лишь когда мы ехали в поезде домой, он сказал мне, что завтра хотел бы не приходить на работу, «нога побаливает» и он думает сходить к врачу.

Трудолюбие Л. А. и его неукротимое желание работать меня просто поражали. Во время написания одной из своих книг у Л.А. очень сильно болела спина, и он не мог даже сидеть. Но Л.А. не сдался, он нашел выход: на письменный стол поставил какой-то ящик и стал писать стоя. Таким способом он не только, написал монографию, но и сдал её в срок в издательство. Позже, когда кто-то из сотрудников говорил, что не успевает сдать работу из-за каких-то там причин, я всегда в ответ приводил пример Леонида Александровича, и иногда это помогало.

После того, как я стал членом Академии наук, у меня появилось право выдвигать кандидатов в члены-корреспонденты РАН. Я считал Л.А. достойным этого звания и сказал, что хочу выдвинуть его кандидатуру на предстоящих выборах в РАН. Перед этим я переговорил с рядом членов академии, состоявших в биологическом отделении. Большинство из них хорошо знали Л.А. и сказали, что на выборах они его будут поддерживать. Но Л.А. оказался человеком очень щепетильным и необычайно порядочным. Он ответил, что считает себя специалистом в области ихтиологии и хотел бы быть членом Академии именно по этой специальности. Так как такой вакансии нет, то подавать на другую более широкую специальность он считал себя не вправе. Но в РАН существует позиция объявлять конкурсы под более широкими названиями, увеличивая тем самым число претендентов и конкуренцию на объявленную вакансию. И уже в течение многих лет выборы по специальности «ихтиология» не проходили. Хотя все, как и Л.А., признают, что эта специальность достаточно широкая, но положение с выборами до сих пор не меняется.

Научные доклады Л.А. всегда вызвали большой интерес у аудитории. К ним он основательно готовился, говорил очень доходчиво, стараясь донести до каждого смысл своего доклада. Ему обычно задавали очень много вопросов, на которые он обстоятельно отвечал. Нередко и во время перерывов к нему подходило множество людей, и он увлечённо беседовал с ними, забывая о кофе-брейке или обеде. Это его свойство характера — быть полезным всем, кто нуждается в его советах, в его широчайших познаниях, порождало в людях ответное чувство благодарности и уважения к нему.

За своё стремление честно служить науке и желание помочь людям Леонид Александрович на долгие годы останется в памяти всех, кто знал его и общался с ним. Выполненные им исследовательские работы и полученные на их основе новые научные результаты в ихтиологии являются эталоном для последующих работ и ступенью для перехода на новый уровень познания.

*Научный руководитель Института озераведения Российской академии наук
академик РАН, профессор Владислав Александрович Румянцев*

Предисловие

Л.А. Кудерский — это целая эпоха в рыбохозяйственной отрасли СССР и России. Леонид Александрович 25 лет руководил Государственным научно-исследовательским Институтом озёрного и речного рыбного хозяйства (ГосНИОРХ). Именно в этот период, 60–70-е гг. XX века, Институт достиг своего расцвета и являлся флагманом прикладной ихтиологии. Это было обусловлено тем, что Л.А. Кудерский был не только эффективным управленцем, но и настоящим учёным-ихтиологом, который действительно разбирался в проблемах отрасли и мог реально оценивать перспективность тех или иных направлений.

Свою жизнь Леонид Александрович посвятил изучению замечательной группы животных — рыбообразным и рыбам, научное и практическое значение которых для человечества исключительно велико и незаменимо.

Жизненный путь профессора Кудерского Л.А. нельзя назвать простым и лёгким. Будучи прекрасным докладчиком, Леонид Александрович, тем не менее, неохотно рассказывал о себе. Поневоле подумаешь, что зодиакальные созвездия действительно отражаются на характере человека. Леонид Александрович родился под знаком Скорпиона, часто в разговоре подчеркивал это и, кажется, очень этим гордился. В основном информацию о его детских и юношеских годах можно получить из «Биографических заметок», которые он опубликовал в 2012 г., благодаря настоянию профессора А.П. Алхименко. По этим заметкам можно составить представление о том, как формировался характер замечательного учёного, и что повлияло на выбор им профессионального пути. Профессор не любил говорить о войне, которую встретил в юношеские годы в возрасте 14 лет. В период 1942–1943 гг. он находился в оккупации в г. Ейске Краснодарского края. В этот период он закончил 7 классов и продолжил учёбу до окончания 9-го класса в 1944 г. Затем последовало обучение в Батумском мореходном училище, которое он с отличием окончил в 1947 г. Дальнейший путь получения высшего образования можно назвать весьма извилистым. Цепь непредвиденных случайностей, ряд поворотных моментов при выборе направления исследований, непростые отношения с коллегами характеризуют Л.А. Кудерского как человека чётко осознающего свои желания и стремящегося к намеченной цели, невзирая на обстоятельства. Читая его биографические заметки, понимаешь, что воля и желание позволяют совершать задуманное. Как иначе можно объяснить поразительные факты биографии этого человека. Ехал поступать в Ленинградский университет, а оказался в Петрозаводском. После года обучения на очном отделении стал учителем биологии, географии и химии в отдалённом районе Карелии, продолжая учёбу в Учител-

ском институте на заочном отделении. В итоге за два года сдал экзамены и получил диплом с отличием о педагогическом образовании, которое не являлось высшим, что не позволило ему, уже сотруднику Беломорской биологической станции подняться выше должности лаборанта. Отсутствие заочного отделения в Петрозаводском университете подвигло молодого человека запросить Министерство высшего образования СССР о возможности сдать экзамены экстерном. Разрешение было получено, в результате чего, поступив в университет в 1951 году, Леонид Александрович окончил его с отличием уже в 1953 г. Далее вступительный экзамен в аспирантуру и обучение у профессора И.Ф. Правдина, получение повышенной стипендии и блестящая работа по биологии судака водоёмов Карелии, высокое цитирование которой свидетельствуют о её актуальности и востребованности по сей день. По окончании аспирантуры Леонид Александрович работал младшим научным сотрудником, учёным секретарем Института биологии, а в 1959 г. возглавил Карельское отделение Государственного института озёрного и речного рыбного хозяйства (ГосНИОРХ). В дальнейшем вся практическая и научная деятельность Леонида Александровича была связана с этим учреждением. Защитив диссертацию в 1963 г., у будущего профессора появилось желание вернуться в академическую науку, а именно в Карельский филиал АН СССР. Однако судьба распорядилась по-своему, и в 1966 г. Леонид Александрович в возрасте 39 лет становится директором головного института (ГосНИОРХ) в г. Ленинграде. Далее трудовая деятельность профессора Л.А. Кудерского вплоть до 1994 г. связана с питерским ГосНИОРХом, и только после этого Леониду Александровичу удалось осуществить свою мечту более чем 30-летней давности и вернуться в систему Академии наук РФ на должность главного научного сотрудника Института озераведения. Здесь хотелось бы привести высказывание самого Леонида Александровича: «В связи с устойчивой, спокойной обстановкой в Институте «яркие» эпизоды, подобно имевшим место в период административной деятельности в системе ГосНИОРХа, не возникали». Здесь, видимо, речь идёт о совершенно омерзительной травле достойного человека, у которого в 1986 г. отнимают партийный билет, лишают должности директора, не давая возможности перейти на новое место работы. Эти события, произошедшие в канун 60-летнего юбилея, лишний раз доказывают, что все заслуги человека ничего не значат для власть предержащих, и если государственная машина решила с тобой расправиться, то сделает это в одночасье. Удивительно, с каким внешним спокойствием Леонид Александрович держал этот удар, хотя ему, человеку амбициозному, имеющему чувство собственного достоинства, внутренне это, скорее всего, давалось крайне тяжело и вряд ли способствовало укреплению здоровья. В данной ситуации можно гордиться сотрудниками ГосНИОРХа, которые в 1989 г., спустя два года после происходящих событий единогласно избирают Леонида Александровича на должность директора Института. Через несколько месяцев его восстанавливают в партии, что стало символом торжества справедливости, но вряд ли уже было нужно профессору.

После краткого изложения биографии Л.А. Кудерского возникает вопрос, а что же это был за человек. С одной стороны можно решить, что Леонид Александрович — типичный перфекционист, стремящийся все делать только на «отлично», о чём свидетельствуют многочисленные дипломы с отличием. Но это вряд ли! Тройка по немецкому языку, который он не любил, в седьмом классе, гауптвахта в мореходном училище и «самоволка», неподчинение начальству на Беломорской станции свидетельствуют об обратном. Он был прагматиком и педантом, склонным доверять собственной интуиции, что позволяло ему быть успешным администратором и увлекающимся учёным в области практической ихтиологии. Для Л.А. Кудерского всегда было важно понимать конечную цель своего труда. Я познакомился с Леонидом Александровичем в 1984 г. Это был период его увлечения миногами. Мне показалось, что любой разговор в то время с людьми, в большом количестве приезжающими в ГосНИОРХ из разных уголков Советского Союза, всегда заканчивался одним вопросом: «А минога у Вас есть, и если есть, то какая?». Когда выяснилось, что на Кольском п-ове минога есть, но непонятно какая, и что мне лично факт её наличия глубоко безразличен, я мгновенно наравился на лекцию, в которой лейтмотивом звучала идея изучения и сохранения биологического разнообразия, без которого невозможно существование рыбохозяйственной науки. Ближайшие несколько лет Леонид Александрович идентифицировал меня как человека, способного привезти ему миногу с Кольского п-ова. Складывалось впечатление, будто я этой миногой занимаюсь не только на рабочем месте, но и в свободное от работы время. Миногу я Леониду Александровичу привез. Однако профессор казался удивлённым на моей защите кандидатской диссертации, в связи с тем, что о миноге не было сказано ни слова. В последствии наши отношения переросли, скорее, в приятельские. Мне казалось, что Леонид Александрович очень закрытый человек и мало кого подпускал к себе достаточно близко. Однако люди, его знавшие, отмечали, если Леонид Александрович был в ударе, он становился душой компании, абсолютно обаятельнейшим человеком с прекрасным чувством юмора. Захожу как-то в Межведомственную Ихтиологическую Комиссию, что на Тверской, 27, в Москве. Стоит ящик коньяка, рядом Л.А. Кудерский. Совещание посвящено проблемам охраны природы на о. Сахалин в связи с разработкой нефтегазового месторождения. Один из вопросов — сохранение западной северо-тихоокеанской популяции южного кита, который своей ежегодной миграцией создает проблемы нефтяникам. Спрашиваю Леонида Александровича: «Коньяк зачем?». С каменным лицом отвечает: «Нефтянка по южному киту тризну справляет». А далее с улыбкой берет бутылку коньяка: «Ну и мы за здоровье, выпьем!». «Кого?» — спрашиваю. — «Нефтяников?». «Нет, китов, — они лучше!».

Мне кажется, много говорить о вкладе Л.А. Кудерского в рыбохозяйственную ихтиологию в этой короткой заметке не имеет смысла, так как специалисты, работающие в этой области, хорошо знакомы с его работами. В первую очередь, это разработка теоретических основ ведущих направлений рыбохозяйственного про-

изводства и рыбного хозяйства в целом, во-вторых, создание условий для реализации разработок ГосНИОРХа на практике.

Подводя итог вышеизложенному, мне хотелось бы обратиться к оценке деятельности Леонида Александровича, которую он сам высказал, резюмируя достижения в своей административной и научной работе. Как настоящий педант (в хорошем смысле этого слова), он распределил эту работу по двум полкам, на одной из которых лежат административные, на другой — научно-исследовательские достижения. А дальше прямая речь Л.А. Кудерского. «Итоги содержимого каждой из полок по конечным последствиям существенно разошлись. Скопившиеся на первой полке — в немалом количестве административные достижения (безусловно послужившие на благо рыбохозяйственной отрасли) просуществовали недолго и оказались почти полностью и мгновенно перечеркнуты реформами 90-х гг. прошлого столетия, когда плановая экономика страны внезапно стала перестраиваться на рыночный лад. Поэтому, ограничив деятельность только административными интересами, я оказался бы, фигурально выражаясь у «разбитого корыта». Этого не произошло, потому что научно-исследовательские достижения, «загрузившие» вторую полку имели иную судьбу. Хотя со временем итоги исследований в некоторой степени устаревают, отчасти на них даже перестают обращать внимание, но, тем не менее, они в немалой степени сохраняют свою значимость. Причина этого в объективной силе фактов, получаемых при изучении природных явлений. При необходимости такие факты в любой момент могут быть очищены от библиотечной или архивной пыли, оценены по достоинству и использованы в ходе новых исследований».

Оценивая свою деятельность, профессор Л.А. Кудерский поставил сам себе отметку «удовлетворительно». Мне кажется, здесь Леонид Александрович несколько лукавит. А как же огромное число учеников, которые сумели защитить кандидатские и докторские диссертации под его руководством, а многочисленные ссылки на его труды, востребованные до сих пор, а позитивная реакция коллег по профессии на его работы в области практической ихтиологии?! По моему, он заслуживает оценку «отлично», которая всегда стояла в многочисленных дипломах Леонида Александровича Кудерского.

*Доктор биологических наук,
профессор Анатолий Александрович Лукин*